

Сергей
Мельниченко

ЖИЗНЬ

которой

никогда

не было

Сергей Мельниченко

Жизнь, которой никогда не было

«Автор»

2025

Мельниченко С.

Жизнь, которой никогда не было / С. Мельниченко — «Автор»,
2025

Перед смертью у человека за одно мгновение проносится вся его жизнь. Но что увидит ещё не родившийся ребёнок с синдромом аутизма и ДЦП в утробе матери перед абортom? И что произойдет с ним, если его душе всё равно предстоит переродиться, но уже в другой семье? И какого будет его удивление когда спустя годы он не просто встретит, но и узнает семью, в которой он прожил ту жизнь, которой никогда не было...

© Мельниченко С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
1	9
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Мельниченко
Жизнь, которой никогда не было

© Сергей Мельниченко, 2025

ISBN 978-5-0067-0143-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

По улице, быстрым шагом шла девушка. На ее глазах собирались слезы. Мокрые, влажные глаза выдавали ее боль, тревогу и отчаяние, которые она так пыталась скрыть, но она, то ли старалась мужественно держаться, то ли выплакала все слёзы за столь короткий момент, которые были накоплены за всю спокойную, счастливую и безмятежную жизнь.

Но сейчас, находясь на третьем месяце беременности и идя от врача, она ощущала обреченность, подавленность, безысходность. Глаза были опущены, она смотрела в пол, боясь поднять взгляд, боясь с кем-то столкнуться взглядом, боясь, что кто-то из прохожих может прочесть её душевные муки по глазам. Каждый проходящий мимо человек вызывал в ней чувство страха, стыда, параллельно обостряя чувство вины и угрызения совести.

Она подошла к пешеходному переходу и остановилась недалеко от толпившихся перед светофором людей, в нескольких метрах. Каждый из окружавших был погружен в свои мысли, в свои проблемы, все они с нетерпением ждали зеленого сигнала светофора. Но Алесе, так звали эту молодую милую девушку, 27-ми лет с темно русыми волосами, с большими, красивыми карими глазами, казалось, что они все смотрят на неё, читая её мысли, проникая в самые глубины сознания и видя все страхи. Кто-то переживая, кто-то осуждая, кто-то жалея, оценивают её внутреннее состояние, которое не давало ей покоя. С такими навязчивыми мыслями время в этом столпотворении тянулось для нее не бесконечно долго. Спустя несколько секунд, которые длились для Алеси как вечность, загорелся зеленый сигнал светофора, и вся эта толпа начала переходить улицу. Алесю, витая в своих мыслях, с опущенными глазами, смотря в пол, сразу не заметила этого, но спустя несколько секунд опомнилась и двинулась вперед. Ноги сами вели её через улицу, она ничего не соображала, она была полностью погружена в себя, в свои мысли, которые съедали ее изнутри и не давали ей покоя, забвение окутало ее сознание и душу. За эти несколько часов, она, казалось постарела на половину от своей прожитой жизни. Она шла и ни ничего не осознавая, держала дистанцию от окружающих около 3—4 метров, она не желала ни к кому приближаться, ей хотелось в эти минуты остаться одной, в полной тишине, что бы все вокруг испарились. Внутри неё была такая чудовищная боль, что хотелось громко зареветь, так что бы сорвало горло, что бы от крика низвергнулись облака, что бы деревья задрожали, осыпав свои листья. Её душу окутало сильнейшее отчаяние, горечь и безнадежность.

Пройдя половину пешеходного перехода, Алесю почувствовала как её за руку схватили. Это была незнакомая старуха. Похожа она была толи на цыганку, толи на мистическую шаманку. Взгляд у нее был пугающий и одновременно, до брезгливости, мерзкий, но мудрый. Одна роговица глаза была темно коричневая, почти что черная сливавшаяся со зрачком, что усиливало впечатление и склонность к сверхъестественному. А вот второй глаз был то ли больной, то ли вместо него стоял протез, он был страшно омерзителен и вызывал неприязнь, на нём не было видно роговицы, весь её глазной белок был неестественно размытый в светло голубоватом оттенке, и лишь только черный как уголь зрачок ясно проявлялся. Но Алесю на это не обратила внимания, она лишь почувствовала как сжимается чья то рука на её предплечье. На мгновение Алесю пришла в оцепенение увидев этот взгляд, её окутал страх и она на мгновение остолбенела. Но замешательство быстро прошло, ей не было дела до случайных прохожих, и она попыталась вырваться. Но хватка была сильная, не смотря на преклонный возраст старухи.

– Дочка, -старуха пристально, магнетически заглянула Алеси в глаза, как будто видела её насквозь, голос её был тихий и хриплый, -не нужно это тебе, -то ли в приказном, то ли в молящем тоне сказала она, -ты пожалеешь об этом, -взгляд старухи был на столько пронзителен, что дар речи пропал, все мысли Алеси окутало смятение и замешательство, -через годы

ты осознаешь что сотворила, но будет поздно... -старуха еще немного пристально смотрела на Алеся, сжимая руку так сильно, будто пыталась вернуть её в реальность, а потом ослабила хватку и отпустила. В ее глазах, а точнее в одном глазе мелькнул огонек, -что бы ты не сделала, ничего не изменить, -старуха перекрестила её, развернулась и пошла прочь.

Алеся, ещё несколько секунд смотрела на неё, не понимая, что только что произошло. «Кто это была? Чего не делать?» в голове всё перемешалось. На её глазах не просыхали собравшиеся слезы, взгляд так же оставался полон боли и отчаяния.

Раздался гудок автомобиля. Пешеходам загорелся красный светофор, автомобилям зеленый. Алеся была слишком разбита эмоционально что бы придать как-то этому сильное значения, и поэтому она медленно двинулась в ту сторону куда шла. Весь мир плыл перед её глазами. Она перешла дорогу, остановилась на тротуаре и оглянулась назад, высматривая ту странную старуху, будто пытаясь в её отдаляющемся силуэте найти ответ на странные, загадочные и непонятные слова.

Глава 1

1

*«Господи, ты знаешь мои
помышления, слова и поступки,
ты всё видишь и знаешь.
Ты соткал меня во чреве матери.
Давно устроил меня и всё время
моей жизни записано в книге твоей.
Как всё чудно тобой устроено
и как дивны все проявления
твоей творческой мысли,
которых не перечислить»
(Псалом 138:1;13;17)*

Меня зовут Егор, или как меня называли мама с папой, когда я был еще маленький, Егорка или Горик. Сейчас мне 16 лет. Согласно международной классификации болезней МКБ-10, мне поставлен диагноз F84.0 – синдром Каннера и G80.2, по-простому эти два диагноза называются: ДЦП – детский церебральный паралич и аутизм. Да-да, такой диагноз мне поставили врачи при рождении, а склонность к нему выявили в начале второго триместра, при беременности моей мамы. Тогда я не знал что это за слова, но чувствовал – это что-то страшное, раз эти слова вызывали сильнейший дискомфорт у моих родителей и каждый раз, когда при знакомых, друзьях или случайных людях, речь заходила о моем заболевании, мама опускала взгляд, и глаза у нее становились мокрыми.

Когда я только родился, я сильно плакал, как и большинство новорожденных деток. Дневной свет сильно ударил мне в глаза и яркой вспышкой прорезал мне сетчатку, ведь я столько времени провел у мамы в животике, там было тепло и уютно. Я всё время отдыхал, баловался, спал и постоянно ощущал, как её сердце бьется с в унисон с моим, и меня это всегда успокаивало. Часто слышал, как мама со мной разговаривает. Я конечно не понимал что она говорит, но тембр её голоса был приятным, любящим и умиротворённым. Несмотря на то, что она часто плакала, но всё же люди, как я потом узнал, зачастую плачут в независимости от возраста, пола, профессии и прочего, я был спокоен находясь внутри неё.

И вот пришло время мне родиться. Я впервые увидел свет и свою маму, с прекрасным именем Алеся. Она была очень красива, у нее были безумно милые, большие карие глаза, темно русые волосы, они излучали свет и теплоту, как у того ангела что я лицезрел ранее, еще за долго до моего рождения, но к сожалению, его лик я забывал с каждым мгновением, проведенным в животике, но он оставался где-то в глубине сознания. Этот образ я и ассоциировал с мамой. Возможно это был не настоящий ангел, а просто сон, коих было очень много, но даже если это так, то это был самый чудесный, беспечный, долгий, спокойный сон, который может приниться только ребенку находившемуся в самом защищенном месте, в животике у своей мамы, которая дарует самое прекрасное что может быть в этом мире – это жизнь.

Мама была очень довольна моим появлением, её слезы выражали невероятную радость, сияние её глаз было светлее чем самые яркие звезды, она смотрела на меня так, будто я был единственным и самым долгожданным светлым пятном не только в её жизни, но и в целом мире. Она меня взяла на ручки и крепко-крепко обняла. Она всего меня расцеловала с такой любовью, которой не может одарить не один ангел охраняющий детский покой.

Первые несколько дней мама очень много-много говорила, что я самый лучший и самый красивый малыш на свете, самый милый и очаровательный, что мои светлые маленькие волосики похожи на лучи света освещающие пшеничное поле, а голубые глазки как два больших, чистых непорочных озера, находящиеся в дали от цивилизации.

Хоть я и видел, что она была уставшая, но в её словах в эти минуты, всем свои маленьким сердцем, я чувствовал искренности больше чем мог получить любой взрослый человек за всю свою жизнь. И я был ей за это благодарен. Её любовь, ласка и забота утешали меня в тот день когда с теплой и уютной утробы, я появился в этот мир.

Когда мои глазки привыкли к дневному свету, я успокоился и перестал плакать. Я любовался красотой своей мамы, и смотрел на неё очень долго. Она дарила мне свою улыбку и постоянно меня целовала, даже когда я спал. Её забота меня на столько успокаивала, что казалось впереди меня ждет много нового и интересного, всё самое приятное, необычное, беззаботное.

Спустя несколько дней я увидел папу, его зовут Кирилл, он тоже был очень красивый, его щетина придавала ему мужества, они с мамой гармонировали и дополняли друг друга. Папа был немного уставший, но, тем не менее аккуратно меня брал, крепко обнимал и целовал. Всем своим телом я ощущал не только его теплоту, которое грело так же, как может греть теплый плед в морозную погоду, от которого всем своим телом чувствуешь как кровь всё быстрее течет по организму, но и колючую, нежно щекочащую щетину, которая заставляла меня улыбаться, широко раскрыв ротик. Но не смотря на то что в его жизни появилось такое маленькое, приятное, беззащитное создание, он был чем-то расстроен, наверное моим заболеванием, о котором я упоминал ранее, и которое, тогда я об этом и не подозревал, принесет в будущем не мало хлопот и проблем всем тем, кто меня так любил и кого любил я.

Папа конечно старался выглядеть довольным, и у него это получалось, но я чувствовал, что он витает в своих мыслях, которые не давали ему покоя, в его глазах я видел не только любовь и ласку, но и грусть и жалость по отношению ко мне. Я чувствовал это сердцем... своим маленьким, только что родившимся сердечком.

Мама в очередной раз поднесла меня к папе. Он нас крепко обнял и поочередно расцеловал, и сказал что сильно-сильно нас любит. Я смотрел на своих родителей и мое сердце было навсегда приковано к ним, к их любви, к их душам, к их заботе обо мне, которые они мне дали в эти первые минуты моей жизни. Я чувствовал себя полностью защищенным.

Дальше доктор поздравил моих родителей, сказал: «-вес вашего малыша 3 килограмм и 160 грамм», добавил, что я крепыш, и спросил какое имя мне дадут. На что родители вместе в один голос ответили «Егор». Потом доктор напомнил о моем недуге, и сказал маме и папе:

– В течении трех недель нужно посетить специалиста и встать на учет, вашему малышу нужен особый уход.

Папа по-дружески взял доктора за плечо, и попросил отойти на пару слов. Они отошли в сторону, но я всё слышал, о чем они говорили.

– А это точный диагноз? Шансов нет? -спросил у доктора папа.

– Да, -ответил доктор, -это точно... У вашего ребенка аутизм и ДЦП. -и тут же добавил, -но вы не переживайте, многие люди живут счастливыми семьями с таким диагнозом.

Папа отвернулся от доктора и посмотрел на нас, и увидел наши с мамой глаза, они горели от счастья, особенно мои, и папа это чувствовал. Он подошел и крепко обнял нас.

– Вас сегодня выпишут, -снова заговорил доктор, и добавил, -обязательно посетите врача, не затягивайте. -как заученную мантру продолжал шептать человек в белом халате. У папы был томный взгляд, но доктор попытался его подбодрить, -Всё у вас будет хорошо, не переживайте.

Папа снова нас крепко обнял и поцеловал.

Не смотря ни на какие трудности, я сильно люблю своих родителей, и они любят меня.

2

Первые три года жизни в семье Егора были более-менее спокойные, всё как у большинства семей, малыш тихо рос, хорошо питался, любил дневные и вечерние прогулки, много играл с мягкими игрушками и с восторгом реагировал на них, гулил, а главное, много улыбался. Алеся, мама Егора, находясь в декрете чувствовала себя замечательно, дискомфорта не проявлялось, не считая периодических посещений специализированных клиник, которые предательски напоминали о диагнозе и состоянии их сына Егора. Алеся работала юристом в транспортной компании.

Папа Егора, Кирилл, тоже особо не замечал отклонений у сына, и в глубине души надеялся, что диагноз поставленный при рождении мог быть ошибочным, а возможно сын Егор идет на поправку. У папы были планы и мечта отдать сына на футбол и вырастить настоящего чемпиона, профессионального футболиста. Он не раз это обсуждал с Алесей, и играючи, со словами «кто это у нас тут будущий чемпион?» часто проговаривал Егору, но тот в силу своего возраста не понимал о чем шла речь, и просто мило улыбался. По советам врачей они семьей много времени проводили на улице, особенно в теплые дни. Летом катали сына в коляске, ходили в парки, скверы, на пляж, что бы Егор принимал солнечные ванны, получал витамин «Д», ездили за город на свежий воздух. Зимой катали его на санках, так же проводили время в еловом лесу, ездили в горы.

Время летело так быстро, что они не заметили как Егору исполнилось три года, и наступил переломный момент. Настал он на столько быстро, обрушившись сильнейшим дисбалансом, что казалось тех счастливых и беззаботных первых лет жизни и не существовало, или прожиты они были как один день.

Заболевание начало прогрессировать. Егор поменялся кардинально. Из некогда весёлого, всегда улыбающегося малыша, который стремился ко всему новому, стремящемуся тактильно и зрительно познать каждый предмет, каждый звук, он превращался в замкнутого, отстранённого от окружающей реальности ребёнка. Он мог часами сидеть вплотную к стенке и смотреть в одну точку, казалось совсем не шевелясь и не моргая, при этом ногтем указательного пальца раздирал себе заусенцы на больших пальцах рук до крови. На некоторые предметы он смотрел с удивлением, и тянул к ним руку что бы пощупать, со стороны казалось он пытался понять реальны ли они, а когда дотрагивался тут же резко отдергивался от них, будто то обжигаясь. Прострация и дереализация стали всё чаще проявляться у Егора. Так же он мог взять металлический предмет и бесконечно долго стучать по батарее и оторвать его от этого занятия было невозможно, при малейшем замечании начинались сильные истерики. Изредка, когда родители не могли уследить за ним, он карандашом пытался рисовать себе на теле, но расцарапывал себе ноги и руки так, что со временем под зажившей кожей виднелись тёмные полосы от графита. И подобных проказ маленько Егорки было не перечислить, делал он это не осознано, не желая приносить хлопот ни себе ни родителям, но судьба с ним распорядилась иначе, он не осознавал то, что делал.

Спустя еще несколько месяцев Егор наконец-таки, с усилием и поддержки родителей, которые его так любили, научился ходить. Казалось, что может быть прекраснее этого для молодой мамы и папы увидеть первые шаги своего ребёнка, которые тем не менее дались не просто, с большими усилиями. Каждый такой момент, родители пытались запечатлеть и всячески хвалили сына, они его благоволили, оберегали. Каждый его новый шагочек, маленький,

крохотный, пошатывающийся, с вытянутыми в сторону руками для баланса шаг, вызывал у них невероятную радость, гордость и восхищение. Каждое его новое движение приводило Алесю и Кириллу в восторг, который они могли обсуждать весь вечер, «-а помнишь, как он свои ручки вытянул в стороны, чтобы не упасть? Он выглядел как маленький самолётик, попавший в турбулентность... Крохотный такой самолётик, планирующий в сторону комнаты» – с гордостью и умилением говорила Алеся. «-конечно помню, моя хорошая», -с гордостью отвечал ей Кирилл, «-а как он своё планирование чуть не завершил в стену, а я его успел вовремя поймать на руки» -с нежностью и восторгом констатировал Кирилл. «-Такое не забыть», -с восторгом подбадривала его Алеся, прижимаясь ближе к Кириллу. Она крепко обняла его за грудь, и задумавшись, с отдаленными печальными нотками в глазах спросила, «-у нас же все будет хорошо?». «-Конечно», -с уверенностью ответил Кирилл, «-Вы самое дорогое что есть в моей жизни. Я вас очень сильно люблю... тебя и Егорку», -Они крепко обнялись.

Взросление Егора, его первые шаги и самостоятельность не только радовали родителей, но и добавляли не мало хлопот. Он егзил, не осознавая того, так сильно, что справиться с ним было невозможно. Иногда, Егор заходил в ванную комнату, включал воду, закрывал крышкой слив и наблюдал как его игрушки поднимаются вместе с наполнением ванны, а дальше наблюдал как вода переливается через край выливаясь на пол. Потопы были невероятные, вода просачивалась в коридор, а один раз затопили соседям снизу, и не дай бог в этот момент родителям сделать замечание Егору или закрыть кран, он воспринимал это крайне неодобрительно, в «штыки», у него начиналась либо сильнейшая истерика, что остановить его было невозможно, проще было вместе с ним наблюдать как вода льётся через карай, и не важно что родители испытывали в этот момент, он в это время стоял спокойно, непринужденно, забвенно смотрел на это завораживающее для него зрелище. Либо после замечаний замыкался в себе настолько сильно, что несколько недель приходилось восстанавливать его от стресса, посещать психиатра, наблюдать за его подавленным состоянием, в котором он не ел, не пил, да и вообще ничего не делал целыми днями, просто стоял и смотрел в одну точку.

Так же любимым занятием Егора, было рисование, он очень любил цветные карандаши и фломастеры, но физиология и моторика его рук, которые были не естественно вывернуты в силу его диагноза, не позволяла делать ему плавные и аккуратные движения, от чего у него часто ломался грифель карандаша, но он с рвением продолжал водить острой деревянной частью по листу бумаги, что создавало характерно неприятный для восприятия звук. Но родители так же не могли забрать этот карандаш для того чтобы наточить его или дать новый, это вызывало приступ неконтролируемой агрессии у сына, так как он был сильно сосредоточен на своём деле, поэтому приходилось слушать до тех пор, пока ему не наскучит это занятие, либо, когда бумага не изорвется в клочья. Тоже самое и происходило с фломастерами, которые часто засыхали без колпачков, которые Егор так часто любил грызть и выкидывать, и снова этот не выносимый для ушей и для мозга звук, от которого любой человек мог сойти с ума, но родителям приходилось терпеть это, преодолевая все тяжести.

С обычными игрушками Егор особо не играл, они, как казалось, были для него слишком просты и примитивны, поэтому он любил использовать подручные материалы. Как-то раз он нашел пенопласт в коробке от утюга, и на какое-то время это стало его любимой игрушкой. По мимо того что постоянно валяющиеся по всей квартире белые мелкие шарики создавали дискомфорт, не сильный конечно, но тем не менее, но еще он брал два куска пенопласта и растирал их друг о друга... медленно... не торопясь... создавая нагнетающую звуком атмосферу... такую, что каждое нервное волокно, каждая глиальная оболочкой, каждая нейронная нить готова была разорваться, и запустить психоэмоциональный взрыв в голове роди-

телей... Но этого делать было нельзя, от них требовалась спокойствие и уравновешенность. Иногда, этими же самыми кусочками пенопласта, Егор водил по стеклу, вырисовывая невидимые фигуры или картинки, о которых мог знать только он. Все эти казалось мелочные, но каждодневные игры, приводили в эмоциональное, нервное истощение родителей. Казалось они медленно но верно сходили с ума. Мама ночами могла по несколько часов проводить в ванне. Включив воду, журчание которой перебивало её плачь, сидя на полу по долгу плакать, и молиться. Папа в своё время, мог находиться долгое время на кухне, надев наушники с громкой музыкой, и употребляя крепкий алкоголь. Но ни смотря ни на какие трудности и проказы, они любили своего сына, они никогда не повышали на него голос, никогда не говорили плохого о нем, и тем более никогда не поднимали на него руки. Любая сила будь то моральная или физическая, было табу в их семье. Так же они никогда не ссорились между собой в его присутствии, они знали, что это может плохо повлиять на без того не лучшее состояние их любимого малыша. Они его безумно любили... любили так сильно как могут любить самые близкие и дорогие люди, этого маленького, чудного малыша, с его широкими глазами цвета океана, белоснежными как облака волосами, ангельским личиком.

Когда Егор успокаивался и засыпал, после бурно проведённого дня, родители стояли над его кроваткой и наслаждались им, его тихим сопением, его изредка издающимся сквозь сон смехом. Что ему снилось они конечно же не знали, но его улыбка всегда вызывала у них слезы счастья, они тихо радовались тому, что во сне он скорее всего намного счастливее чем в той реальности, которая ему была уготована жизнью и вселенной.

Не смотря на все неконтролируемые дневные козни маленько Егорки, мама, тем не менее, пыталась отвлечь его и у нее это получалось, но не всегда, а точнее очень редко, и эти моменты становились для них отдушиной, когда они всей семьей могли делать то, то приносило истинную радость и маме и папе, а главное Егорке. И этими редкими вечерами семья проводила время прекрасно. Папа купил электронное пианино, оно по звучанию ничем не отличалось от профессионального пианино, но было намного легче и компактнее. Они пытались его учить играть, хоть звуки были и не профессионально сделанные музыкантом, но как минимум это не создавало тех жутких звуков, которые издавал пенопласт, засохший фломастер, скрежет вилкой по тарелке, сломанный карандаш соприкасающийся с бумагой, и прочие раздражающие психику факторы. А большим плюсом являлось развитие моторики рук Егора, у которого с этим были серьёзные проблемы. Но всё равно, хоть Егору и нравилось играть на нем, он проводил не много времени за синтезатором, он больше предпочитал стучать по кастрюлям и сковородкам.

Каждый вечер мама и папа давали ему пластилин, что тоже имело большое влияние на развитие. Папа каждый вечер делал ему массаж ладошек, это рефлексогенная зона у детей, влияющая на развитие речи ребенка, улучшает рефлекторное развитие, и двигательные функции. Так же массаж кончиков пальцев рук делался каждый вечер, это тоже способствовало развитию речи, координации движения и развитию тактильной чувствительности чудного, маленького непоседы со страшным диагнозом. Обо всех этих полезных свойствах массажа, он вычитал на различных сайтах и форумах.

Пока папа был на работе, мама постоянно гуляла с Егором во дворе, в парке, в сквере, всё это находилось не неподалеку от дома. У них было много знакомых, так как в этом многоквартирном доме Алесья жила с самого детства, подружек было предостаточно, и все вместе они со своими детьми, разница в возрасте которых была не значительная, проводили много времени. Дурачились, играли, забавлялись наблюдая за своими детьми, в общем все были счастливы. Но наступали моменты, когда речь заходила о тех маленьких достижениях ребенка, или о его планах на недалекое и далекое будущее. Тогда у Алеси начинался легкий ступор, неловкость, смущение, но она пыталась всячески это скрыть. Любое напоминание о недуге её прекрасного мальчика вводило в горестные раздумья. В глубине души она знала, что их малень-

кий, миленький мальчик ни когда не будет таким как все, он будет не успевать в школе, будет развиваться на много медленнее своих сверстников, а когда наступит совсем осознанный возраст, то он ментально будет оставаться все тем же ребёнком, с тем же характером, с теми же детскими амбициями и мыслями. Но как Алеся не пыталась себя утешать, надеяться на лучшее, на медицину, на всевышнего, в глубине душе она понимала что это не исправить, вся жизнь будет пребывать примерно в одной стезе. Но больше, в таких откровенных беседах с подружками о перспективах их детей, ее тревожил тот факт, что будет когда она станет совсем старой, когда не сможет позаботиться ни о себе ни о своем дорогом сыне, что будет с ним? Что будет с ним после того как её и папы не станет? В эти моменты ее душу охватывало самое сильное эмоциональное потрясение, ей хотелось реветь, реветь громко, на навзрыд, так что бы весь мир услышал ее переживания, увидел как изнутри рвется её душа, вырывается из тела. Ей хотелось в это моменты разрыдаться и закричать «-замолчите, пожалуйста! Мы не хуже чем вы! мы такие же как и все! У всех есть свои минусы». Но она не могла этого сделать, здравый смысл брал вверх, преобладая над эмоциями. В это моменты она отдалённо слышала подруг и пыталась перевести тему, обратив внимание на несуразные потехи их детей, или могла вспомнить какой-нибудь сериал для обсуждения, любая тема для неё была отвлечением от той, что касалась обсуждения их с подругами детей. Ей просто не чего было сказать, хоть и все знали про заболевание Егора, но она ни хотела ни обсуждения, ни жалости, ни сочувствия, ей просто хотелось жить... Жить той жизнью, которая была им дана, быть в потоке времени, не переключаясь ни на прошлое ни на будущее. Ничего не вернуть, ничего не изменить... Всё должно быть в настоящем, идти так, как было уготовлено судьбой.

Не смотря на все свои предубеждения и предрассудки касаясь Егорки, она его безумно любила, для неё он был самым лучшим, самым умным, самым красивым ребенком на земле, и каждый её поцелуй передавал всю нежность, заботу, материнскую любовь, её маленькому мальчику.

Папа, приходя с работы, так же как и мама уделял всё свое время сыну, он тоже безумно любил его, хотя на работе так же как и Алеся избегал разговоров о семье, о детях. У них в целом сложилась маленькая, но безумно крепкая семейная идиллия, которую разрушить не могла ни одна порочная сплетня, ни одна навязчивая мысль, ни что на свете не могло их заставить любить сына меньше.

Время шло, хлопоты накапливались изо дня в день преподнося новые и непредсказуемые проблемы и испытания для молодой семьи. Каждая клеточка человеческого организма, каждая нить нервно-нейронной системы, рано или поздно становится тонкой, натягивается как струна, и в любой момент может лопнуть, потянув за собой всё, как снежная лавина, сметая всё на своем пути. Наступает та грань, когда нужно выбирать, оставить как есть, тем самым поставив под удар всё то, что ты безумно любишь, либо найти способы эту тонкую нить сделать прочнее. Но как часто бывает, о проблемах проще забыть, отвлекшись от повседневности ища утешение в алкоголе, чем искать пути решения. И папа эту отвлечённость себе нашёл. Не сказать что он был нацелен на свои аморальные действия, но он понимал что черта, за границу которой бесконтрольно можно перейти в самое неподходящее время не осознавая того, может быть преступлена в любой момент, и он не хотел доводить до того, что бы весь его стресс, нервное напряжение, негативная энергетика накопленная за эти месяцы, выплеснулась на его семью. Поэтому, полностью осознавая это, он дистанцировался от своей любимой жены, и ребенка. Снова стал поздно возвращаться, много пить. Сначала Алеся ему намекала о том что он очень мало времени проводит в семье, а проводит с друзьями, потом на прямую начала говорить, что такая неполноценная семья её тревожит, и она переживает. Но Алеся не знала

одного, что с друзьями он время не проводил ни секунды, сразу после работы он шел в магазин, брал себе бутылку виски, и несколько часов мог просидеть на остановке, распивая её в полном одиночестве, полностью погруженным в своё внутреннее состояние. Он мог прийти в бар, сесть в самом дальнем углу, и смотреть в окно в полной прострации, ни с кем не общаясь, просидев так весь вечер. Он полностью дистанцировался от окружающих, но в каком бы он не был состоянии, он всегда думал только об одном, о своей семье. О своей любимой семье, без которой он не представлял жизни. Он сидел часами и думал обо всём и одновременно не о чём, его мозг разрывался от того потока мыслей и переживаний который постоянно заполняли его разум.

Алеся тем временем со своей стороны видела положение дел абсолютно иначе. Его молчание лишь наводило на мысль о его безразличии к происходящему и особенно к своей семье, что ему всё надоело, и он ищет причины уйти. От части, с её стороны это были здравые, обоснованные мысли и подозрения, ведь что еще можно думать, когда практически каждый день в полночи приходит муж с перегаром и не сказав ни слова ложиться спать, иногда даже позабыв пожелать спокойной ночи и Алесе и Егору.

Они оба по-своему были правы относительно происходящего, но относительно того что происходило был полнейший тупик, безвыходная ситуация, таким отношения предвещало только одно – крах. Тем не менее Алеся и Кирилл пытались поговорить, но их разговор всегда заходил в тупик. Им тяжело было открыться друг другу, они пребывали каждый в своих мыслях, не понятных друг другу эмоциях, но всё же продолжали любить друг друга, а больше всего любили своего сына, Егора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.